

ГОРОДСКАЯ ГАЗЕТА

Газета основана 1 октября 1930 г. До 1994 г.
выходила под названием "Ленинский шахтер"

№ 93 (16252) Пятница, 19 мая 1995 г.

ГАЗЕТА

СЕМЕЙНАЯ

НОВОСТИ

• 22 мая - День памяти погибших от СПИДа

СПИД НАСТУПАЕТ

В странах Восточной Европы и Центральной Азии насчитывается, по-видимому, 50 тысяч случаев ВИЧ-инфекции. Скорее всего, эта цифра занижена, слишком много в этих странах фактов, проводящих рост эпидемии, - экономический кризис, распространяющая безработица, вынужденные конфликты и активная миграция населения.

В Восточной Азии и других странах Тихоокеанского бассейна число случаев ВИЧ-инфекции, по сравнению с прошлым годом, возросло вдвое.

В странах Латинской Америки и Карибского бассейна число ВИЧ-инфицированных оценивается в 2 миллиона.

Всего в мире 17 миллионов ВИЧ-инфицированных, из которых число официально зарегистрированных больных СПИДом - около 2,5 миллиона.

В России на 1 марта 1995 года число ВИЧ-инфицированных составило 900 человек, из которых 279 детей, больных СПИДом 121 человек (94 - дети), умерло 126 человек (69 умерших - дети).

В Сибирском регионе зарегистрировано 20 случаев ВИЧ-инфекции, в Кемеровской области ВИЧ-инфицированных 6 человек, что составляет 21 процент от всей заболеваемости по Си-

бири. В 1995 году вновь зарегистрированы два случая ВИЧ-инфекции: это 20-летний мужчина и 24-летняя женщина, оба - наркоманы.

В настоящее время на диспансерном учете в центрах СПИД состоят 186 человек, пораженных вирусом СПИДа.

Ежегодный прирост новых случаев ВИЧ составляет у нас в стране 100 человек. Предположительно, что, кроме зарегистрированных, в России проживает до 5 тысяч зараженных, не знающих о своей болезни.

Ситуация в России по ВИЧ-инфекции ухудшается, и на то есть объективные причины: во-первых, увеличилась миграция населения, что, естественно, увеличивает завоз ВИЧ в Россию; во-вторых, в России происходит сексуальная революция, однако секс-культура населения низка, что неизбежно приведет к росту распространения ВИЧ; в-третьих, отмечается значительный рост числа проституток. По данным статистора, видно, что эпидемия ВИЧ уже началась среди гомосексуалистов.

Таким образом, в течение 3-5 лет ситуация по ВИЧ может выйти из-под контроля.

Материал подготовил Г. КОРНЕВА.

«АСКО-ПРОФ» ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ ГАЗЕТЫ

Подписная кампания в полном разгаре. Как нам сообщили работники городского почтамта, особого разнообразия в подписных бланках не существует: люди предпочитают в основном местную печать. Это и понятно. Очень высокие цены на газеты и журналы заставляют горожан выписывать лишь по одному - два издания.

Некоторые коммерческие структуры, предприятия и организации часть расходов по подписке для своих трудающихся берут на себя. В таком случае люди выписывают на второе полугодие по 2-3 издания.

Совершенно незнакомым людям пошла навстречу страховая компания «АСКО-ПРОФ», уже известная в нашем городе своей благотворительностью. Она выписала «Городскую газету» на второе полугодие десятерым подписчикам: среди них престарелые люди, инвалиды, для которых газета - пожалуй, единственная ниточка, связывающая их с внешним миром. Благодаря «АСКО-ПРОФ» «Городскую газету» будут получать и некоторые ее постоянные авторы, семейный бюджет которых невелик.

Нам остается только добавить к этому: пусть этот пример найдет продолжателей.

С. БУРКОВ.

«Взвейтесь кострами, спине ночи...»

В прежние времена в этот день город был красивым от пионерских галстуков, ярко выделяющихся на белоснежных рубашках и блузках. Гремели барабаны, звучали горны и торжественно выносились знамена. Оно и понятно, ведь 19 мая - День рождения Всесоюзной пионерской организации.

К сожалению, все это в прошлом, кануло в Лету. Нет, никто специально пионерию не запрещал, не разгонял, но волна борьбы с коммунизмом смыла и эту детскую организацию. Конечно, не все в ней было по-настоящему детским, хватало формализма. Однако вспомним, как трепетало юное сердечко, когда тебя торжественно принимали в пионерию, повязывали галстук, какой радостный и гордый - грудь нараспашку, чтобы все видели! - возвращался ты со сбора домой. И порой даже обидно, что нашим детям таких чувств уже не испытать.

Впрочем, не все так уж пессимистично. Вместо монолитной пионерии

образовалось множество разнопестрых школьных республик. И в этот день в городском Дворце детского творчества проходит их слет, на котором ребята расскажут о своей жизни, определятся в планах на будущее.

И. КЕДРОВ.

КАКУЮ ПАМЯТЬ ОСТАВИМ О СЕБЕ?

Этой рябинке к своему защитнику-дубу уж точно не перебраться: она умерла. В ночь с третьего на четвертое мая ее спилили.

Правда, не весь куст, половина. На месте высоких, стройных стволиков торчат четыре пеньки.

Древесина их почти ярко-белая, еще не успела поблекнуть и потемнеть. Завершил дело и уничтожить весь куст злоумышленнику помешали жители дома, одна из них даже пригрозила выпустить собаку...

А спилила рябинку тоже жительница дома (адрес его - пр. Текстильщиков, 4/2), Т. Г. Санина. Ее мотивировка: из-за деревьев в квартире темно; меня уже ограбили, и кто-нибудь по-

дереву опять залезет в окно; во всех цивилизованных странах деревья прорежают, а здесь все заросло. И результат: «Я поступила без всякого ущерба для окружающих».

Тут вот такой вопрос: что считать ущербом? Соседи Тамары Геннадьевны считают, что ущерб есть - она отняла у них часть красоты, часть радости, которую люди испытывали, любуясь этой красотой: «Ребяташек гоняют, чтобы ветки не ломали, а тут...»

И доводы, которые приводят Т. Г. Санина в оправдание своего по-

К разумному, доброму, вечному

В школе N 37 состоялась презентация учебно-воспитательного комплекса.

Прошла она в рамках очередного семинара заместителей директоров школ по воспитательной работе. Собравшиеся в первую очередь познакомились с целями и задачами комплекса. Главное направление - создание благоприятных условий для всестороннего развития личности. А в основе лежит так называемая педагогика сотрудничества, гуманизация отношений между учителями, учащимися и их родителями. Здесь достигнуто органическое единство учебной и внеурочной деятельности ребят, воспитательного влияния школы, семьи, общественности микрорайона. Обо всем этом нам подробно рассказала директор школы Л. И. Чернова.

А заместитель директора по воспитательной работе З. Н. Голикова познакомила нас с учебно-воспитательными центрами, созданными в этой школе. Их названия говорят сами за себя: «Точные науки», «Литература и искусство», «Мир и современность», «Детство», «Здоровье», «Экология и мы», «Общественно-полезные дела», «Информация». Руководят центрами опытные, грамотные, увлеченные своим делом педагоги Е. Ф. Редькина, В. С. Шаталова, О. Д. Волобуева и другие. Действуют клубы, кружки, секции, студии, которыми руководят и родители, и даже выпускники школы.

Сегодня остро встает

лишним десятка лет они так поднялись и разрослись. Может быть, потому поднялась у Т. Г. Саниной рука на деревце, что она его не садила, не поливала, так как живет в этом доме недавно?

Маленькая «защитная полоса» у дома N 4/2 несет не первые потери - срублены начисто два первых от дороги деревца. Жители знают, кто это сделал, эти люди в доме уже не живут, но бывшие соседи до сих пор вспоминают их недобрый словом. А добрым - Галину Артеменко, сажавшую эти деревья. Хочет ли Т. Г. Санина, чтобы о ней когда-нибудь вспоминали так: «А, это та, что спилила рябинку?»

М. ПАВЛОВА.

Александра Яковлев на умирала тяжко. Последние две недели она совсем не спала. Тупая, изнуряющая боль не отпускала ее. Болело все, до самой последней маленькой косточки. Слабенький промедол уже совсем не помогал, ну, может быть, минут сорок-час после ухода Александра была в полуслензаты. Более сильных наркотиковальной не выписывали, и все оставшее время она пребывала в мучительно-напряженном ожидании. Чего? Конца?

Говорят, перед смертью все мысленно еще раз мгновенно проживают свою жизнь. Так или не так - никто не знает. У Александры, с тех пор, как она поняла, что ее болезнь смертельна, было время обдумать свою жизнь медленно и подробно. На счастье или на горе она родилась? Этого Александра так и не могла понять. Хотя горя, наверное, было больше.

Отца забрали как врага народа, когда Шуре было восемь лет. У нее был еще старший брат и младшие брат и сестренка. Отца она больше не видела. Став взрослее, спрашивала у матери, что такое сделал отец, за что его вот так - насовсем и безвозвратно? Но та ничего не могла ответить, потому что сама не знала: вырос муж в семье небогатой, был председателем колхоза: разве что из-за брата, который работал в городе адвокатом и которого тоже забрали: может быть, тот что сказал или сделал?

Шурамного вопросов по этому поводу не давала ни себе, ни матери. Вот брат Виталька - другое дело. Он переживал свою безотцовщину и свое клеймо сына врача народа и в детстве, и в юности, и став взрослым: реабилитация отца в конце 50-х годов его не успокоила: «Если бы отец был жив!»

Если бы Яков Иванович был жив, семья бы жила, конечно, по-другому. Вскоре после его ареста заболел туберкулезом старший, Федя. Потом началась война. В войну и в деревне было трудно. С голоду не пухли, картошка выручала, но туберкулезному надо питание получше. Где его взять? Не смогли вылечить Федю, в 44-м он умер. В то время Шура уже была девушкой, а за взрослую она работала с самого начала войны, с 14 лет, не успела закончить и семилетку. Но кто тогда об учебе думал? Да и обязательна она, если есть здоровые ноги и руки? А выросла Шура, хоть и в полусиротской семье, высокой, сильной и крепкой. Говорили, что похожа она на отца и деда, Ивана Ивановича, а оба они отличались и ростом и здоровьем. А еще говорили, что, по приметам, счастливой должна быть.

Только счастье ее где-то очень долго ходило. Объяснение-то простое: парни года на три-четыре постарше - возможные женихи - были выбиты на фронте, а молодые

девушки только подрастили. Но кому нужно такое объяснение в 20 лет? И в 25? Шура работала в четыре руки на ферме и по дому и ждала. В 27 лет дождалась сватов. Белокурая, румяная, она казалась за свадебным столом такой юной, что пожилые женщины перешептывались: «Шура-то, Шура-то, как цветочек. А жених-то серь-

думала - и не опомнится никогда. Не заметила, как подошел и срок Толиного возвращения.

На этот раз поселились отдельно. Толя поступил плотником в колхоз, им дали квартиру избы возле фермы, где работала Шура. Быстро привели ее в порядок: у обоих работала горелка в руках. Девочки сначала дичи-

доочери - уже взрослые девушки и подросток - сын.

Нанимать достраивать дом она никого не стала. Этим занимался Олег. С раннего детства он учился у отца премудростям столярного и плотницкого дела, потом ему помогал, а теперь вот стал за хозяина. А подручной-помощницей кто? Ну, конечно, мама Шура. Вдвоем они и доделали и

Материнская любовь

лись худого, долговязого дядьки, но скоро привыкли. Пожалуй, это время было самым счастливым для Шуры. Через год у нее родился сын. Как радовалась Шура, как радовалась Толя! А для девочонок Олежек стал живой куклой.

Семья большая - свой уол нужен. Дом свой. Толя, может быть, и не рискнул бы взяться за столь хлопотное дело, ему и в чужом жилось неплохо, но Шура - из настойчивых. Свой дом с огородом (здесь у них огорода не было, приходилось за лучом и укропом ходить за полкилометра), сарай для дров, хлев, курятник, колодец во дворе - чтобы все удобно, все под руками. Она и место выбрала - рядом с домом деда, на высоком пригорке, откуда видна речка и вся заречная часть деревни со старой церковью, полями и далеким лесом.

Начали строить. Поставили дом, кое-что во дворе и красивые ворота. Не в год и не в два все это сделалось. Хоть и быстрые руки у Толи, но одного лесу на пятистенок столько надо, а денег в семье всегда не хватало. Случайные приработки Толя не нес в дом, все они уходили туда же - на водку. Нет, не бросил Толя ту привычку, которая однажды уже так подвела его. Да и трудно было бы бросить: бригада плотников, где он работал, почти сплошь состояла из таких любителей, у кого копейка в руках не держалась.

Чем дальше - тем больше затягивала Толя его страсть. Постепенно он совсем бросил строительство. Ворота, не скрепленные с изгородью, и уже начавшие темнеть (и покрасить было не на что), смотрелись пугалом - «памятник незавершенке». Толя почти совсем перестал «просыпаться». И однажды утром его нашли повесившимся на собственном чердаке.

Осталась Шура опять одна. То есть вчетвером:

дворовые постройки, и дом. Обивала сухой штукатуркой, белила, красила в доме сама Шура - женское, мол, дело.

И вышел дом, правда, красавец - отдельная кухня, две большие комнаты, огромные сени и чулан - места на две таких семьи, как Шурина. А ее семья к тому времени, как дом был готов, уменьшилась наполовину - дочери вышли замуж, одна переехала с мужем в город, а вторая переселилась по соседству.

Вскоре привел знакомить с матерью невесту и Олег. Она была не из местных, и матери трудно было правильно оценить ее достоинства (у своих деревенских она знала два-три поколения предков), но приглянулась ей: веселая, красивая, смелая: Шура и сама любила и острое словцо, и солнечную шутку-прибаутку, и ни перед кем головы не склоняла - вся, как говорили, в деле.

Молодые поженились перед уходом Олега в армию. Невестка осталась жить у Шуры. Но ненадолго. Вскоре после отъезда мужа она повела себя слишком свободно: приходила за полночь, участвовала во всех пьянках-гулянках неженатой молодежи; стали передавать сплетни о ее романах. Шура поговорила с невесткой серьезно, а результатом было то, что сноха сначала перешла в общежитие, а потом совсем уехала.

Олег, вернувшись из армии, надолго загулял. Мать сначала не препятствовала: с горя. Потом все-таки устроился на работу - шофером. Но профессия эта, говорят, тем плоха, что пьянке мешает. Перешел трактористом. И тут-то наследственные склонности Олега дали себя знать в полной мере. Неделю работает так, что хоть орден ему давай. Но потом неделя пьет - и с таким размахом. Какого не знал отец. Допился: устроил на тракторе аварию, придавил человека.

Его судили. Приговор: три года лишения свободы. Отсидевший срок Олег километров за пятьсот от дома. Мать ездila к нему так часто, как только позволяли правила. Набирала сумки, которые нормальному человеку, а тем более пожилой женщине, не сдвигнуть с места, и ехала сначала на автобусе, потом на поезд с двумя пересадками, потом на попутке...

Считать время до выхода Олега она начала сразу после суда. В то время, она как раз пошла на пенсию и жила одна в своем всегда чистом, ухоженном доме. Правда, почти всегда у нее в гостях были внучки - у обеих дочерей были дети, у старшей (на 15 минут!) - две двойки.

Одиночества Шура не чувствовала, она всегда была общительной по характеру, щедрой на сочувствие и помощь - в ее доме, можно сказать, двери не закрывались - то внуки тут, то соседки забегут с новостями-разговорами. В праздник Шура могла с родными и подругами и рюмку-другую выпить. Казалось, не переживает сильно Олегову беду. Да и что, в самом деле, случилось-то? Ведь, как говорят, от сумы да от тюрьмы... Но, может быть, так только казалось? И кто знает, что думала мать, оставаясь одна, длинными зимними ночами, когда погаснут все до одного огоньки в домах засыпавшей речкой и слышан только ветер, шум ветра?

Шура заболела, когда Олег сидел уже второй год. Пустяк - какая-то шишечка на ребре. И не болит почти, только почему-то стала расти. Съездила в больницу - время-то есть, если бы работала, наверное бы, не собралась. Послали на анализы, к другому врачу. А потом сказали, что нужно провести облучение. Нужно так нужно. Вставала раннее, доила корову, наливала трехлитровую банку парного молока и автобусом в полвосьмого ехала

в город. Молоко - тем, кто делает облучение, его девять некуда, а городским деревенского молочка хочется. Кажется, облучение помогло - шишка перестала расти.

И опять продолжались поездки к сыну. И повседневная жизнь: внуки, соседи, огород, корова, куры, поросенок, собака...

Еще через год Шура поняла, что от болезни она не ушла. Все чаще и чаще стала появляться слабость. И тогда она сказала себе: «Я не умру, пока не вернется Олег!»

Умирала она тяжело. Болело все, до последней жилочки на ноге. Не могла ни есть, ни спать. Ни ходить, ни сидеть, ни лежать. Кровать казалась ей ложем мук. Устроили ее на полу, где она никак не могла найти удобного места и позы. Иногда просила пустить к ней («я незаразная») шестимесячную Юльку. Юлька ползла на полу среди подушек, цепляясь за бабочку еще скрюченными ручонками, и той становилась вроде бы легче. Когда мучения были нестерпимыми, Шура торопила сына «Скоро ли, скоро ли?» Так закончился июль. Начался август. Срок у Олега - 12-е число.

На мучения Шуры у родных не было сил смотреть. Но она дождалась сына! Последние два дня Шура была в каком-то гипнотическом состоянии - казалось, никого не узнает и ничего не понимает. Но Олега она узнала! Когда он ворвался в комнату с криком «Мама!» Шура открыла глаза. Остмысленно посмотрела на него, но успела сказать только одно слово: «Сынок...»

На похоронах Олег рыдал больше, чем обе дочери, вместе взятые. Но если кто-то подумает, что смерть матери переменила его, то ошибается. Он по-прежнему работал и пил, пил и работал. Женился снова, родился у них двое ребятишек. Как-то признался Олег другу по пьянке, что к нему приходила мать. Так ясно и отчетливо он ее видел, как будто и не во сне. И сказала ему мать одно только слово «Сынок», но так сказала, с таким осуждением и болью, что не забывается никак. И опять пил Олег, и опять рассказывал другу, что приходила к нему мать. И в третий, и в четвертый раз...

Материнский ли голос с того света, собственных ли здоровых сил, унаследованные Олегом от матери, но что-то действовало: он решил на медицинскую процедуру, позволившую ему избавиться от пагубной страсти. Не пьет он уже три года. Родился у них еще один ребенок - Александр. Жена Олегу попалась не такая, какой была мать, - не очень привлекательная, нехозяйственная. Дом его уже не блестит, младший сын бегает в грязной рубашонке, с неумытой рожицей. Но Олег не ругает жену: он научился ценить то, что у него есть...

М. ПАВЛОВА.

В СЕГО полгода, как Лена вышла замуж за своего однокурсника Бориса Смирнова. Окончание института, свадьбу, назначение на должность обоих инженеров-строителей - все это отпраздновали заодно. Первое время молодожены жили вместе со стариками, а потом получили отдельную квартиру.

Лена не была писаной красавицей, но пройти мимо нее, не заметив, нельзя. Среднего роста, статная, пышноволосая, с мягкими чертами лица, она привлекала к себе каким-то необыкновенно женственным, неотразимым обаянием. Борис не понимал характера своей жены. Замкнутый по натуре, он с людьми склонялся туда. Общительность Лены вызывала в нем на первых порах что-то вроде недоумения.

- Я не понимаю, - говорил он, поднимая черные, с характерным изломом брови, - есть ли тебе муж или нет - тебе все равно весело. Ты можешь петь, танцевать, смеяться...

- Ты всегда со мной, оттого мне и весело, - то шутя, то серьезно отвечала Лена на такие упреки. Она стала замечать, что Борис постоянно переживает, страдает из-за каких-то пустяков. Лена с кем-то по телефону говорит, а он уже из угла в угол ходит. Если на вечеринке видит ее оживленной, увлеченно танцующей - по три дня не разговаривает.

Однажды со строительства, где работала Лена, пришел курьер с запиской от старшего прораба. Кончался месяц, прораб закрывал наряды и прошил Лену зайти на почту, чтобы выяснить какое-то недоразумение.

- Скажите, что сейчас приду, - попросила молодая женщина и стала одеваться. В меховой шубке, в белой пуховой шапочке, вившей ее лицо совсем юным. Лена вбежала в комнату, попрощалась с мужем.

- Подходи через полчаса к копоре, - предложила она, обнимая его за плечи и заглядывая в глаза.

- Немножко пройдемся. Хорошо?

И вдруг услышала холодное, чужое:

- Провожатые у тебя и без меня найдутся...

Лена осталась одна. Ревность! И в такой стадии, когда шутить над ней нельзя... Лицо ее вспыхнуло румянцем, она повернулась и молча вышла.

Покончив с делами, Лена пошла к родителям. И рассказала матери все.

- Вот ты всегда говоришь, мама: «Ревнует - значит любит!» Но как ревность отправляет жизни? Борис своими нелепыми подозрениями губит собственную жизнь и мою.

- Но ты же любишь его, - возражала Александра Павловна. - Может быть, надо ему как-то помочь?

- Помочь? Разве я даю

ему повод для ревности? Ведь он ревнует меня чуть ли не к каждому телеграфному столбу. Если посчитать дни нашего молчания за последние три месяца, наберется целый месяц. Целый месяц уже выброшен из нашей совместной жизни! Нет, мама, скажи, что я, по-твоему, должна делать? Я теперь все время живу в напряжении. Оглядываюсь. Хотелось выразить кому-то участие, а приходится делать равнодушное лицо: «Ах, как бы он не подумал...»

- Не знаю, девочка, как тебе помочь. Все это очень тяжело. Вот сейчас придется отец...

- Нет, нет! - встрепенулась Лена.

Лена. - Это бесполезно. Я все равно не вернусь к нему.

- Нет, надо! - остановившись перед дочерью, твердо сказал Федор Петрович. - Очень жаль, что ты молчала раньше. Я схожу к нему.

Федор Петрович оделся и вышел. Но он не сразу пошел к зятю. Ему надо было собраться с мыслями. История дочери и зятя вернула его на сорок лет назад, всколыхнуло давно пережитое и, казалось, начисто забытое.

- Лена, может быть, и красивая женщина... Мне трудно об этом судить. - сильно волнуясь, говорил Федор Петрович зятю не-

ся подавлять свою ревность, научился себе приказывать.

Возбуждение, с которым Федор Петрович начал разговор, постепенно спадало. Он еще некоторое время говорил о воспитании воли, об умении владеть собой при любых обстоятельствах. Наконец, поднялся и, направляясь к двери, как бы между прочим обронил на ходу:

- Перед Груздевым-то надо извиниться...

Проводив тестя, Борис с разбегу бросился на диван вниз лицом. Стыд прожигал его, казалось, до пяток. Ни одной мысли, только стыд, стыд... Лежал он долго, не шевелясь, потом при-

ясного дня, налетает на него что-то страшное, ослепляющее его разум, лишающее его самообладания? Ему самому стыдно и больно. Неужели оно, это страшное, сильней его разума, его воли, сильней его любви иуважения к жене? Можно ли так жить дальше?

Если такой человек, как Федор Петрович, испытывает ревность, значит, нет в этом чувстве ничего позорного. Позорное в другом...

Как бы ни хватало его за горло то страшное, Лена никогда об этом больше не узнает. Лена? А почему ее так долго нет? А вдруг она ушла совсем? Бориса охватил страх. Одовявшись на ходу, он выскочил на улицу. Нет, нет, она ждет его. Отец сказал ей, что приду. Она ждет. Борис передохнул и вспомнил:

«Перед Груздевым-то надо извиниться».

- Если вы с вашим умом, с вашим положением позволили себе в приступе ни на чем не основанной ревности опуститься до публичного скандала, то о чём это говорит?

Учитель крупно шагал по скромно обставленной холостяцкой комнате и говорил, по видимости, спокойно. Но по тому, как он комкал в пепельнице одну недокуренную папиросу за другой, видно было, что визит Бориса взволновал его.

- Это говорит о том, - продолжал он, не изменяя спокойного тона, - что вы, Борис Владимирович, плохо воспитаны. Ваша жена - еще и дочь своих родителей, у нее есть друзья, есть коллеги по работе, свои интересы и увлечения. Чем шире круг общения, тем интереснее, внутренне богаче человек. Вы один не можете заменить все и всех, каким бы умным и разносторонним ни были. Кроме того, вы не умеете владеть собой. И это не случайность. И мое прощение в этом плане вам не поможет. Я человек не злой, но извинить вас не имею права... Вы должны изменить себя и свое отношение к жене.

Лена в этот вечер нетерпеливо ожидала мужа. Несколько раз выбегала в прихожую, чутко прислушиваясь, не раздадутся ли шаги его за дверью.

Борис шумно ворвался в квартиру и возбужденно заговорил:

- Груздев, этот Алеша Попович, - умница! Словно в душу мне заглянул...

Борис, меривший широкими шагами комнату, остановился и смущенно улыбнулся жене:

- Ты прости меня, все теперь будет иначе. А сейчас я хочу есть. Покорми, а?

Лена засмеялась. Ей было в диковинку, что Борис так откровенно говорит о своих переживаниях, шутит. И глаза у него, оказывается, такие ясные, добрые и смотрят он ими не вбок, как раньше, а прямо в душу...

Н. ИПАТОВА.

АРТЕМКЕ ХОЧЕТСЯ ЛЕТАТЬ

Шестилетний Артемка хочет знать все обо всем. Его вопросы и доводы порой ставят маму в тупик. Но она добросовестно старается растолковать сынишке любую загадку. Насколько это в ее силах, конечно.

- Мам, ты хотела бы полетать, как летают птицы?

- Конечно, хотела бы. Но это невозможно.

- А я бы полетал, полетал над всеми, а захотел - спустился. В небе хорошо, просторно, никто не толкает, всем места хватит. И все бы, все тоже летали.

- Если бы мы могли летать, то не ты один был бы в небе. Много было бы там детей и взрослых. А если бы вообще все летало, то и кастрюли, и ложки, и наша печка, и дом. Мы бы просто не смогли в нем жить. Но ведь так лучше, как есть. Земля нас держит.

- А как она нас держит?

- Есть сила притяжения, которая не дает нам от земли оторваться.

- Почему тогда птицы и бабочки летают?

- Потому что они другие, не такие, как мы. Им не нужно большие дома, кастрюли, печки, ложки с собой брать. Полетали - и снова сели на ветку или на цветок.

- Жаль, что мы не птицы... вздыхает Артемка.

- Ничего, сынок, - утешает мама. - Мы тоже можем полетать, но только во сне. Все равно ведь чудесно, правда? Вот ляжешь, закроешь глазки, сон и понесет тебя на крыльях.

Артем соглашается и послушно засыпает.

Волнуют его и чисто земные дела.

- Мы на площади Победы с тобой пушку видели. Там что, война была?

- Нет, в Ленинске-Кузнецком не воевали. Но пушка настоящая, с фронта. Ее поставили в честь Победы над фашистами. Тяжелая была война, очень много людей погибло.

- Она еще не кончилась?

- Что ты, детка, она кончилась пятьдесят лет назад, когда ни тебя, ни меня еще не было.

- Почему же тогда по телевизору говорят, что в Чечне идет война? А, пожалуйста! Это война с другими фашистами, да?

- Нет, Артем, это война не с фашистами.

- А с кем тогда?

На это мама не смогла ответить.

Есть, однако, у Артема заботы, от полетов и проблем войны и мира далекие.

- Ты мне такие «Чупачулы» никогда больше не покупай, - просит он маму.

- Почему? Какие тебе нужны?

- Мне нужны со жвачкой.

- А как я их узнаю?

- Ты смотри и увидишь. Если будет обертка прозрачная, значит, это без жвачки. А вот если в невидимой обертке - та, что мне нужна. Теперь поняла?

- Поняла... - с сомнением протянула мама.

Что же тут не понять? Жвачка - в конфете с невидимой оберткой. Проще простого. Только вот как ее разглядеть, невидимую?

Н. НЕЖЕЛЬСКАЯ.

РЕВНИВЫЙ МУЖ

Житейские истории

нулась Лена. - Не надо пока ничего говорить. Я еще попробую сама, заставлю его объясняться.

Однажды в субботу их пригласили молодые супруги Васильевы - врач и его жена, учительница. Торжество было посвящено рождению первенца - сына. Гостей собралось много: врачи, учители, инженеры - вся молодежь, шумная, веселая. Лена веселилась от души. Немного кружилась голова - и от вина, и от всей атмосферы общего дружелюбия, и от того, что Борис сегодня необычайно оживлен, любезен с женщинами и, танцуя, все время издали улыбается ей. Лена танцевала со многими, но чаще других к ней подходил молодой учитель Груздев, русоволосый красавец, богатырского сложения.

Все произошло мгновенно. Сдвинув брови и стиснув зубы, Борис грубо дернул Лену за руку, с силой толкнув учителя плечом. Тот, поклонившись, натолкнулся сзади на стул и, не удержавшись, всем своим мощным телом рухнул на пол, ударившись головой об острую кромку серванта.

Лена убежала. С учительством занялись хозяева. Гости разошлись.

Родителям Лена заявила, что она к мужу не вернется. Мать заплакала, отец молчал.

- Я знаю, Федор, тебе трудно понять психологию ревности, ведь ты никогда не ревновал, - прервала молчание Александра Павловна. Но, может, ты поговоришь с ним...

- Не надо! - резко, с ожесточением вмешалась

которое время спустя. - Но Александра Павловна в ее годы была красавицей. На нее оглядывались на улице. А я был некрасив. И ростом, как видишь, не вышел. И лицом заурядный. Был не очень отесан, грубоват. Когда познакомились, учился в школе работающей молодежи. А она была инженером. Мы поженились. Чтобы быть достойным своей жены, я заочно окончил институт, тоже стал инженером.

- Как я ревновал, как безумствовал, - продолжал Федор Петрович, глядя прямо в лицо зятя. - Когда она с кем-нибудь разговаривала, улыбалась или танцевала, у меня темнело в глазах. Я, между прочим, танцевать не умел. Безгранично верил ей. Но было такое ощущение, что меня обкрадывают. Ее улыбки, смех, приветливые слова - все это мое. И мне хотелось, чтобы все это было обращено только ко мне. И как же я страдал!

Федор Петрович вдруг улыбнулся, сам не веря тому, что он способен был когда-то на подобное малчишество.

- Но я, кажется, откусил бы себе язык, отрубил руку, если бы одним словом, взглядом, жестом обнаружил перед женой свои переживания. Я сбирал в кулак свою волю, призывал на помощь всю свою гордость и душу, беспощадно душил в себе зверя... Сколько времени так продолжалось?

Федор Петрович задумался, вспоминая, как долго длился этот «угар». И сам же ответил на свой вопрос:

- Да, пожалуй, около двух лет. Потом я научил-

поднялся, рывком сел. Зеркало напротив отразило его всклокоченную голову, красное, распаренное лицо, мутные, будто пьяные глаза.

Надо все продумать, осмыслять, определить линию поведения. Так он делал всегда в сложные для него периоды жизни. С ранней юности он ставил перед собой одну цель за другой и всегда добивался их. Отец умер рано. Мать осталась с тремя детьми. Он - старший и единственный мужчина в семье, значит - опора матери. После окончания школы Борис вынужден был пойти работать, но тут же поставил цель: окончить вечерний техникум. И окончил. Следующая цель: помочь двум младшим сестренкам получить среднее образование, а потом уже самому поступить в институт. Он приехал на место назначения с отличной аттестацией и сразу, как прораб, получил строительную площадку для самостоятельной работы. Но это одна линия его жизни. И тут ему не в чем себя упрекать.

А вот другая линия. До двадцати шести лет, до встречи с Леной, он не любил. Когда к нему пришла любовь, он испытал сначала что-то вроде искушения. В его жизнь вошло новое чувство, которое беспокоило и волновало. Потом он узнал, что любит. Он воспринял любовь как еще один благословенный дар судьбы. Он полюбил так, как чаще всего любят люди, живущие в мире мысли и труда, без бурных проявленияй, но глубоко и на века. Но что живет в нем рядом с любовью? Отчего, словно вихрь среди

ная рука вырывала с луковицами и бросала тут же. Даже с полу-распустившимися бутонами! Зачем? Почему? Непонятно.

Когда-то крестьяне нападали на фабричные машины и крушили их. Но это можно было по-

нять - машины отнимали у них работу. А кому могла помешать красота? Только дикарь так по-варварски может обходитьсь с нежным цветком. Или расплодивший мерзяк.

В. СЕЛЕВА.
Пенсионер

Этюды о полевых цветах

Ромашка

Как сейчас помню: в романе кузбасского писателя Г. Молостова «Их нельзя остановить» вычитал: «А ромашки было столько на поляне, что становилось холодно». Образ, конечно, великолепный.

Ромашки издали похожи на удивленные глаза. Выди в безветренный сухой день к ромашковому полю и внимательно прислушайся. И обязательно услышишь, как ромашки тихо шелестят ресничками. И все потому, что они удивительно похожи на глаза. Будто только что увидели синее небо над собой и редкие белые облака, плывущие в бескрайнем

просторе. И удивляются ромашки окружающему миру семь месяцев - с апреля по сентябрь.

Ко всему ромашка имеет и целебное свойство. В записях народных лекарей сказано: «У кого в горле болит, возьми стакан снятого молока, стакан воды и по одной щепотке ромашки, липового цвета и бузины - смешай все вместе, вскипяти, процеши сквозь тряпичку, остуди, как парное молоко, и пей вместо чая».

Есть рекомендации и специально для молодиц. Волосы, промытые в ромашковом отваре, приобретают красивый золотистый оттенок. Да

и умнеет крепким отваром ромашки полезно. Кожа становится бархатистой и нежной. И еще один совет - домохозяйкам. Если держать ромашку в местах, где хранятся съестные припасы, там не будет мышей.

Может ромашка и судьбу предсказать. Будучи молодыми, многие обрываю лепестки ромашки с приговором: любит - не любит, любит - не любит...

Одним словом, ромашка - удивительное растение. И полезное. Берегите ее!

Маленькие сады

Успокаивающий, лекарственный - таково научное название одуванчика. В народной медицине одуванчик считается средством от бессонницы и жизненным эликсиром, хорошо влияющим на пищеварение, очищающим легкие, понижающим кровяное давление и помогающим от желтухи.

Одуванчик в народе еще называют родичем солнца. И правда. Одуванчик так любит солнце, что не отводит от него глаз. Взойдет солнце на востоке - одуванчик смотрит на восток, солнце поднимается в зенит - и

одуванчик поднимает свою желтую головку кверху, солнце приближается к закату - и одуванчик не спускает взгляда с заката. Вся жизнь и проходит в постоянном смотрении на солнце. Но проходит время, и одуванчик стареет, становится седым. А поседеет, - пустит свои, так похожие на крохотные парашютки, пушинки по ветру. На каждом таком парашютике подвешено семечко. На полянке парашютик опустится, и зернышко прильнет к земле, где и пролежит до весны. А весной пустит корни, поднимет на стебельке желтую шапоч-

ку. И опять повторится та же история. Растет одуванчик на лугах, залежах, лесных опушках, полянках, вдоль дорог, у жилья.

Для медицинских целей используют корни одуванчика, которые выкапывают поздней осенью, в период увядания листьев.

Корни одуванчика

могут заменить кофе:

поджаренные, они сладковатые, и с ними можно

пить чай.

Из молодых листьев делают салаты. Не пробовал, но, говорят,

вкусно. А поздно.

П. ФЕДОРОВ.

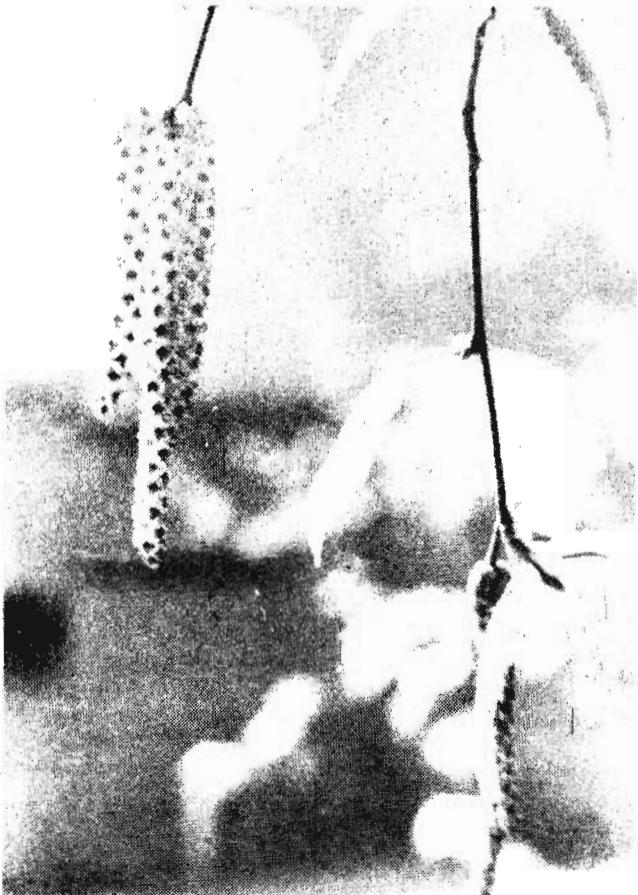

Фото А. ПЕТРОВА.

ЛЕНИНСК-КУЗНЕЦКАЯ
"ГОРОДСКАЯ ГАЗЕТА"
КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Учредители:

Ленинск-Кузнецкая городская администрация и трудовой коллектив редакции.

Редактор газеты
С. П. БАРАНОВ.

Адрес редакции:
652500, г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской обл.,
ул. Белинского, 15.

СПРАВКИ ПО РЕДАКЦИИ:

По письмам - 2-07-10, по рекламе и объявлениям - 2-07-13.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за достоверность и точность приведенных фактов. Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Из новых стихов

РЯДОВЫЕ ВОЕННОГО ТЫЛА

Это было - непросто,
как было,
В лихолетье, рискуя
собой.
Рядовые военного тыла
Шли в крутые забои,
как в бой.
Моросило ль, пуржило,
знобило -
Шли на смену - живи,
коль живой!
Рядовые военного тыла
Тоже были на передовой.

Война - не только счет
потерь.
Смертей, ранений
и контузий.
Война учила доброте,
Связав людские судьбы
в узел -
Не разрубить, не
развязать,
Не иссушить лихим

годинам,
Она расплавлена
в глазах,
Она рассыпана в сединах.
Из давних лет, как
из тумана,
Тревожат залпы тишину.
Когда я слышу ветеранов,
Я будто слушаю войну.

Чтобы выкидать уголь
из пайки
(Вот работа была - не
возня!).

Мужики раздевались до
майки.

Несмотря на капеж
и сквозняк.

И в азарте тягались
друг с другом;

Кто побольше, сильней
и ловчей.

И гремела их слава
в округе.

Величали их как силачей.

ДЕТСТВО ЕСТЬ ДЕТСТВО

Щеголяли мальчишки в холщовых рубашках
И скрипучих бахилах с отцовской ноги.
И дарила земля им большие ромашки
И свирепость протяжной январской пурги.
Были яством саранки и синь медуницы.
Было счастьем играть в чехарду под ветлой.
Уносили во сне их высокие птицы
В тридевятое царство, где вечно светло.
Тверды отцовских могил им осталась в наследство.
Где оканки положенных кем-то цветов.
Это больно до слез. Только детство есть детство.
Все плохое оставлено им на потом.

А. ШИШКИН.

С ОТНЕМ НУЖНО ДРУЖИТЬ

Весна и лето - лучшее время года, но в этот период случается большое количество пожаров. Их основные причины - халатность, легкомыслие, бесконтрольность в отношении детей, несоблюдение элементарных правил пожарной безопасности. С наступлением тепла повсюду ведутся работы по очистке улиц от различного хлама. И зачастую можно увидеть кучи мусора, возведенные рядом с каким-нибудь зданием, которые горят ярким пламенем и без присмотра. А ведь этот, казалось бы, безобидный костер может принести столько бедствий и страданий людям.

Довольно частая причина пожаров - это детская шалость. По вине «шалунов» уничтожаются жилые дома и надворные постройки, садовые домики и сено,

выгорают лесополосы. Дети есть дети. И не только они виноваты в том, что случается. Игра - их естественная потребность. Но, играя с огнем, они могут привести к непоправимому вреду себе и окружающим. Иногда такая игра заканчивается гибелью или мучительными ожогами.

Вспомним, как нередко мы, взрослые, разрешаем ребенку зажечь спичку или зажигалку, потом погасить их плащами; как равнодушно проходим мимо малышей, разводящих костры. Таким образом взрослые разывают у детей нездровый интерес к огню. А уж самим взрослым совсем непростительно допускать небрежность с огнем. Многие из взрослых считают, что пожар случает, что это опасность, которую предвидеть нельзя. Но пожар скорее закономерность. Его можно предвидеть,

а самое главное - предотвратить. Случаен ли пожар в доме, где дети имеют свободный доступ к спичкам, зажигалкам? Нет, не случаен. Рано или поздно быть здесь большой беде.

Государственная противопожарная служба города обращается к руководителям предприятий и гражданам города: примите все меры по соблюдению правил пожарной безопасности! Неосторожно обращаясь с огнем, вы подвергаете большую опасность свое жилище и имущество, рискуете собственной жизнью. Огонь и человек всегда должны быть друзьями, и об этом нужно постоянно помнить и заботиться каждому.

О. ТАТАРЕНКО.
Инспектор пожарной части.

Кто застрахован
в «АСКО-ПРОФ»,
улыбается чаще!

«АСКО-ПРОФ»
приглашает на работу агентов.

Обращаться: ул.
Пушкина, 84-2, тел.
фон 2-71-66.

Дорогую, любимую
жену, маму, бабушку
Зюю Алексеевну,

Рябченко с днем
рождения!

И радость,
и счастье, и боль ты
разделишь,

И, несмотря
на ненастье, в
хорошее веришь.

За небо и солнце -
за все ты в ответе.

Спасибо за то, что
ты есть на планете.

Муж, дети,
внуки.

Газета зарегистрирована Омской региональной инспекцией по защите свободы печати и средств массовой информации 23 декабря 1993 г., регистрационный № 428. Выходит 5 раз в неделю, кроме воскресенья и понедельника. Доставляется подписчикам в день выхода.

Объем 1 п. л. Индекс 51915. Тираж 14942. Номер подписан в печать в 17 час. 00 мин.

Газета отпечатана в Ленинск-Кузнецком полиграфическом производственном объединении (ул. Белинского, 17).

Печать офсетная. Заказ № 3008
Цена одного экземпляра - 300 руб.